

Госпожа Шэнь быстро поняла, что сказала лишнего, что бы она ни думала в глубине души, такие слова не красили её. Подумав немного, она протянула руку, взяла Лу Жаня за запястье и мягко произнесла:

— Сяо Жань, не сердись. Мама знает, как ты настрадался все эти годы. Мама знает, как тебе было обидно вчера, когда мы выгнали твою собаку.

Лу Жань посмотрел на госпожу Шэнь, раньше он бесчисленное количество раз попадался на эту удочку. Если он и терпел всё это, то только потому, что госпожа Шэнь часто давала ему ложную надежду, что она его любит. Каждый раз госпожа Шэнь говорила:

— Мама знает, как ты настрадался все эти годы.

И ещё она говорила:

— Мама знает, как тебе было обидно.

И раз за разом обещала ему:

— Не волнуйся, мама всё тебе компенсирует.

А когда Лу Жань успокаивался, превращаясь в послушного щенка, готового на всё ради материнской любви, госпожа Шэнь меняла пластинку:

— Жань Жань очень напуган твоим появлением. Нам нужно его успокоить. У меня сердце кровью обливается, когда я вижу, как он расстраивается.

Госпожа Шэнь продолжала держать Лу Жаня за руку и говорить тоном, который был ему так знаком:

— Сяо Жань, ты же понимаешь маму, правда? Не доставляй мне проблем. Ты вчера обидел брата, давай выберем ему подарок, чтобы загладить вину.

«Ты обидел», «из-за тебя».

Из-за этих слов Лу Жаню постоянно казалось, что он и правда какой-то преступник, разрушающий чужую семью. В прошлой жизни стоило госпоже Шэнь заговорить таким тоном, как вся злость Лу Жаня тут же улетучивалась. Если у него и возникало какое-то недовольство, госпожа Шэнь смотрела на него с таким укором, как будто он капризный ребёнок, не желающий понять свою мать, и, стоило Лу Жаню увидеть этот взгляд, как он тут же начинал паниковать.

Госпожа Шэнь говорила много раз, что всё ему компенсирует, но никогда этого не делала. Она и много раз называла себя «мамой» в его присутствии, но никогда не позволяла ему называть её матерью при посторонних или Шэнь Синжане.

Каждый раз, когда у Лу Жаня случался конфликт с Шэнь Синжанем, она безоговорочно становилась на сторону приемного сына. В этот раз Лу Жань посмотрел на свою руку, которую сжимала госпожа Шэнь.

— Мадам, вы мешаете мне есть, — холодно произнёс он.

Госпожа Шэнь застыла и смущённо убрала руку, Лу Жань спокойно отправил в рот последний баоцзы с крабовым желтком. Закончив есть, он посмотрел на телефон госпожи Шэнь.

Та только что заказала часы, очевидно, чтобы купить их Шэнь Синжаню в качестве компенсации. Цена составляла больше двухсот тысяч.

— Да, компенсация — это правильно, — сказал Лу Жань.

Госпожа Шэнь, наконец-то, с облегчением улыбнулась. Но тут Лу Жань достал свой телефон и открыл калькулятор. Он пробормотал:

— Один день обид Шэнь Синжана стоит двести тысяч. Меня обижали с четырёх лет, и до девятнадцати, то есть пятнадцать лет. В году триста шестьдесят пять дней, итого пять тысяч четыреста семьдесят пять дней.

— Один день — двести тысяч, тогда...

Через некоторое время Лу Жань подвинул телефон к Госпоже Шэнь:

— Получается один миллиард девяносто пять миллионов. Я округлил до миллиарда. Переведите на мой счёт, пожалуйста.

Раньше Лу Жань совершенно не смел просить деньги у семьи Шэнь. Он боялся, что стоило ему заговорить об этом, как все эти годы его стеснённого существования сразу же всплыли бы наружу, ещё сильнее подчёркивая, насколько он не вписывается в эту богатую семью. Он также боялся, что как только речь зайдёт о деньгах, его возвращение в эту семью будет выглядеть неискренним, как будто он претендует на семейное состояние Шэнь.

Лишь пролежав долгое время на больничной койке, Лу Жань понял, почему у него возникали такие мысли. Потому что именно так семья Шэнь о нём и думала! Взгляды, которыми его одаривали все вокруг, говорили о том, что он ненадёжный человек, у которого есть какие-то скрытые мотивы. Уяснив это, Лу Жань решил больше не притворяться. Ну и ладно, к чёрту эти родственные чувства. Деньги — вот что действительно важно. Родственных чувств у него не

было и не будет, а деньги при желании найти можно.

Он посмотрел на позеленевшую госпожу Шэнь и в прекрасном настроении встал, махнув рукой:

— Не забудьте перевести, — сказал он. — Можете на Алипэй или Вичат.

Сказав это, он перекинул через плечо рюкзак и, напевая, удалился.

Утром у него было много занятий. Выйдя из лаборатории, Лу Жань заглянул в компьютерный класс. Сейчас уже был второй семестр, а у него всё ещё не было своего компьютера, поэтому некоторые сложные задания приходилось делать в компьютерном классе.

Лу Жань проверил состояние оплаты за обучение: субсидия на обучение уже поступила, плата за этот учебный год была внесена. На первом курсе он воспользовался программой помощи малообеспеченным студентам, поэтому оплата за обучение приходила намного позже, чем у обычных студентов.

Разобравшись с этим, Лу Жань искал в интернете новости о Ху Анмао. Он думал, что замешанные в этом деле семьи объединят усилия, чтобы быстро удалить видео, и оно канет в пучине информационного потока, но, к его удивлению, новость о том, как богатенький сынок сбил человека и собаку, не только не потеряла популярность, но и поднялась на первое место в трендах, где и оставалась, нисколько не собираясь сдавать позиции.

Ниже в трендах было несколько новостей из мира развлечений. Казалось, кто-то пытался отвлечь внимание общественности, но безуспешно. Лу Жань какое-то время смотрел на новость, занимающую первое место, и отчётливо уловил запах денег.

Интересно, кто же этот могущественный человек, который ему помогает? В голове Лу Жана мелькнула чёрная машина — удлинённый минивэн. Но он быстро выбросил это из головы. Какое ему дело до разборок небожителей?

Когда Лу Жань выходил из компьютерного класса, староста группы отправил ему сообщение с просьбой забрать какие-то документы. Придя на место, Лу Жань обнаружил, что это были заявления на получение финансовой помощи студентам, которые раздавал куратор. Это была совместная программа местных предприятий и университета, нужно было пройти собеседование, а после получения помощи выпускник должен был работать на том предприятии, которое выступило спонсором.

В прошлой жизни Лу Жань тоже получал такое заявление, но он решил, что ему это не нужно, и отказался. В результате из-за козней семьи Шэнь он даже не смог закончить университет.

На этот раз Лу Жань, не раздумывая, заполнил заявление и отнёс его в кабинет куратора.

В обед он навестил Дахуана в ветеринарной клинике, а затем поспешил на подработку. Придя на работу, Лу Жань вспомнил, что он уже «послушно» от нее отказался. К счастью, босс был сговорчивым, и Лу Жань снова устроился в магазинчик.

Раньше, когда Лу Жань каждый день перебивался случайными заработками, он мечтал о том дне, когда ему больше не придётся так тяжело работать, но для Лу Жаня, который десять лет провёл прикованным к постели, даже работа курьером была счастьем. Правда, в последнее время у него были некоторые финансовые трудности, потому что лечение Дахуана влетало в копеечку; подумав об этом, Лу Жань в свободную минуту написал госпоже Шэнь сообщение: «Не забудьте про миллиард~»

Госпожа Шэнь проигнорировала его. Возможно, у неё от злости кровь из носу пошла.

Прошёл ещё один день и Лу Жань забрал Дахуана из ветклиники. Он договорился с владельцем зоомагазина, в котором работал, что будет оставлять пса у него, пока учится, а вечером заберёт собаку домой.

Лу Жань не собирался снимать квартиру. Опыт прошлой жизни ясно дал ему понять, что даже если он снимет квартиру, семья Шэнь всё равно сможет его найти.

Промотавшись весь день, Лу Жань с Дахуаном подошёл к дому семьи Шэнь и остановился.

Во дворе стояли две машины.

Минивэн и спортивный автомобиль.

После аварии у Дахуана развилась фобия — он боялся спортивных автомобилей. Заскулив, он попятился назад.

Лу Жань присел на корточки и погладил Дахуана по голове:

— Глупый пёс, авария уже позади, чего ты боишься?

Он взял Дахуана за поводок и вошёл в дом. Ужин был уже накрыт. Помощница по хозяйству посмотрела на Лу Жаня, а затем невольно перевела взгляд вверх.

С третьего этажа донеслись шаги. Не обращая на них внимания, Лу Жань увёл Дахуана в ванную, умылся сам, а потом протёр лапы собаке.

Обычно Дахуан спокойно переносил эту процедуру, но в этот раз он несколько раз повернулся на месте:

— Ауууу~

— Потерпи ещё немного, — Лу Жань повесил полотенце на вешалку, присел на корточки и погладил Дахуана по животу.

Пёс снова заскулил и посмотрел на Лу Жаня своими чёрными глазками-бусинками.

Когда Лу Жань вышел с Дахуаном, семья Шэнь уже сидела за обеденным столом. На этот раз собрались все.

Вернулся из командировки Шэнь Хунъюань. Нынешний глава семьи Шэнь выглядел немного уставшим, но всё ещё излучал властность, присущую людям его положения.

Рядом с Шэнь Хунъюанем сидела госпожа Шэнь, а следом за ней — Шэнь Синжань, опустивший голову так, что выражения его лица не было видно.

Последним был Шэнь Синчжо, развалившийся на стуле, закинув ногу на ногу.

Услышав шаги, Шэнь Синчжо посмотрел в их сторону. Увидев Дахуана, идущего за Лу Жанем, он приподнял брови и ухмыльнулся.

— Ты как сидишь? Вечно у тебя никакого приличия! — отчитал Шэнь Хунъюань второго сына.

На лице Шэнь Синчжо было написано недовольство, но он послушно поставил ноги на пол.

— Я пришёл повидаться с Жань Жанем, а не выслушивать твои нотации, — заявил он.

— Ты ещё смеешь показываться мне на глаза! Кого ты набрал в свою студию? Из пяти человек, на которых в этот раз поступила жалоба, трое работают у тебя! — Шэнь Хунъюань помрачнел.

Лицо Шэнь Синчжо тоже стало темнеть.

— Как ты тратишь деньги вне дома, меня не волнует, но своих людей держи в узде. Не порть репутацию семьи Шэнь, — сказал Шэнь Хунъюань.

— Репутация, репутация... Ты что, ей питаешься? — огрызнулся Шэнь Синчжо.

— Ты! — Шэнь Хунъюань в гневе ударил по столу.

В этот момент Шэнь Синжань, до этого не поднимавший головы, тихонько посмотрел на отца.

Его щёки уже приобрели свой обычный здоровый цвет.

Он взял пиалу и наполнил её бульоном для Шэнь Хунъюаня:

— Папа, не злись. Мы все наконец-то собрались за одним столом.

Шэнь Хунъюань улыбнулся сыну и слегка умерил свой гнев. С дерзким Шэнь Синчжо всё было гораздо проще, Шэнь Синжань повернулся к нему и мягко позвал:

— Брат!

Шэнь Синчжо сразу сник.

Так Шэнь Синжань в два счёта погасил назревающий конфликт. Госпожа Шэнь облегчённо улыбнулась. Вся семья излучала любовь и гармонию.

Вот только все они молчаливо игнорировали Лу Жаня.

Ни гнев, ни тёплая атмосфера — ничто не касалось его.

Лу Жань давно привык к такому равнодушию.

В этой книге у Шэнь Хунъюаня была одна особенность — он обожал детей. А уж Шэнь Синчжо и подавно был помешан на младшем брате. Вот только их любовь распространялась исключительно на Шэнь Синжаня и к Лу Жаню, их родном сыну, не имела никакого отношения.

Лу Жань с Дахуаном на руках подошёл к свободному месту за столом и сел.

Но не успел он коснуться стула, как Шэнь Хунъюань резко крикнул:

— Стой!

Шэнь Синчжо тоже посмотрел на брата, переводя стрелки:

— Точно, ругать нужно того, кто этого заслуживает. Кто-то ведь ударил твоего сына, а потом потребовал миллиард.

Все взгляды обратились на Лу Жаня. Тот посмотрел на Шэнь Синчжо и с невозмутимым видом ответил:

— Если хочешь добавить ещё немного, я не против.

Шэнь Синчжо опешил, он пристально посмотрел на Лу Жаня. Шэнь Хунъюань, напротив, не стал вдаваться в подробности по поводу миллиарда. Он посмотрел на Шэнь Синжана, сидящего рядом с ним, а затем перевёл взгляд на Лу Жаня:

— Твой брат сидит здесь, а ты как собрался садиться?

— Ах, точно, — будто бы только что вспомнив о чём-то важном, Лу Жань наклонился и поднял Дахуана на руки, усадив на свободный стул рядом с собой — на место Шэнь Синъюя, наследника семьи Шэнь.

Затем он взял тарелку, положил туда варёную куриную ножку и поставил перед Дахуаном.

— Нужно как следует утешить пострадавшую собаку, — невозмутимо проговорил он.

<http://bllate.org/book/14245/1258419>